

трудно решить, что из них следует отнести за счет оригинала, что — за счет сделанной с него копии, тем более что диалектная окраска текста довольно бледная.

Самой яркой особенностью текста является написание „кѣвь“, „кѣвский“ вместо „киев“, „киевский“. Из 32 слов (киев, киевский) 14 написаны с *ѣ*, а 18 с — *и*. Но *ѣ* вместо *и*, кроме „кѣв“, „кѣвский“, в других словах текста не встречается. Если бы произношение старого *ѣ* как *и* было в говоре копииста или того, кто записал „Сказание“, то несомненно встретилось бы оно и в других словах вместо *и*. Буква *ѣ* в тексте „Сказания“ совершенно правильно поставлена 135 раз и только 21 раз неправильно (исключаем отсюда 14 написаний „кѣв“): 19 случаев — это замена *ѣ* через *е* и два случая обратной замены — *е* через *ѣ* (в столе, розежались, серая, в киеве, седла, реку, вестей, (4 раза), ведают, на смугре, рекѣ, доспехи увидети, съезжаютца, потешатися; нѣ за што, нѣчем).

Следовательно, нет никаких оснований предполагать здесь произношение *ѣ* как *и*. Несомненно, *ѣ* произносится как *е*; поэтому закономерны взаимные мены *ѣ* и *е* в самых разнообразных положениях и словах. Наличие *ѣ* в слове Кѣв указывает на произношение этого слова с звуком *е* „Кеев“. Такое произношение слова Киев известно в переходных и южно-русских говорах современного русского языка. Взаимная мена *е* и *и* (имеем ввиду только ударенный слог) — явление, отмеченное как в письменности, так и в живых говорах, имеет спорадический характер.

Замена *е* через *и* встречается чаще и известна с памятников XIV в.; обратная мена *и* на *е* — реже, но и ее неоднократно отмечали исследователи. Акад. А. И. Соболевский в „Очерках...“¹ и в „Лекциях“² дает примеры подобной мены в памятниках псковских и новгородских. Многие говоры современного русского языка знают подобную мему в некоторых словах, например: „квартира“, „фатера“, „мундер“, „каврѣна“ и т. п. В некоторых говорах зарегистрировано и произношение „Кежива“, „Кеев“. Это — южно-русские и переходные говоры.³

Надо отметить, что *и* в повести о Басарге, которая следует за „Сказанием“ и входит в первую тетрадь, два раза встречается написание „Кѣв“ наряду с „Киев“. Все три текста первой тетради, переписанные одним почерком, имеют несколько общих особенностей — это, во-первых, написание на концах и в середине слов *ѣ*, а не *ѣ* (в тексте „Сказания“ *ѣ* употреблен всего три раза), которое следует считать графической особенностью, так как, судя по употреблению, для писавшего существовал один знак, который в середине слов ставился для обозначения мягкости или как знак разделительный; на концах же при частом написании конечного согласного (независимо от мягкости или твердости его) наверху строки, он представлялся традиционным, не обозначающим мягкости или твердости. Во-вторых, несколько черт, характеризующих живое произношение. Это мена *и* на *е* в заударном положении (только Владимир, Дмитрий, тридцеть), несколько единичных случаев проявления аканья („с трифаном л. 2, „астался“ л. 113, слово „богатырь“ чаще „багатырь“) и несколько других совпадений. Но все это слишком шаткий материал, чтобы строить какие-либо предположения о том, что представляли собой тексты, с которых была переписана первая тетрадка сборника Барс. 1463. „Сказание о киевских богатырях“ отличается от дру-

¹ Очерки по истории русского языка. Киев, 1884, стр. 148.

² Лекции по истории русского языка. М., 1907, стр. 84—85.

³ См., например, „Живая старина“, 1906, в. 1, стр. 99; материалы экспедиции